

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.М. Кочои*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Дается краткий обзор теоретического семинара, проведенного по инициативе кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Антикоррупционная экспертиза уголовного законодательства». В докладах и сообщениях рассматриваются проблемы, касающиеся выявления положений уголовного закона, которые способствуют возникновению коррупционных отношений. Проводится разграничение между криминологической и антикоррупционной экспертизой. Выделяются основные направления антикоррупционной экспертизы уголовного законодательства, связанные с квалификацией преступлений, содержащих оценочные криминообразующие признаки. Выявлены наиболее типичные коррупциогенные факторы, встречающиеся в уголовно-правовых нормах.

Ключевые слова: юриспруденция, антикоррупционная экспертиза, антикоррупционное законодательство, уголовное законодательство РФ, криминологическая экспертиза, основные направления антикоррупционной экспертизы, цели и задачи антикоррупционной экспертизы, коррупциогенный фактор, риски криминогенного характера, Уголовный кодекс Республики Беларусь.

26 апреля 2013 г. в Университете имени О.Е. Кутафина по инициативе кафедры уголовного права прошел теоретический семинар на тему «Антикоррупционная экспертиза уголовного законодательства». Семинар открыл его руководитель, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор С.М. Кочои. Он охарактеризовал антикоррупционную экспертизу как одно из направлений противодействия коррупции. В стране создана необходимая нормативная база по ее проведению (принят Федеральный закон от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утверждены Правила и Методика проведения антикоррупционной экспертизы указанных актов), однако, по мнению С.М. Кочои, складывается впечатление, что вне рамок этой работы оказался один из

важнейших документов, на основании которого собственно и ведется борьба против коррупции, — Уголовный кодекс. Попытаться заполнить этот вакуум были призваны доклады и сообщения участников семинара.

Кроме преподавателей кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в семинаре приняли участие специалисты из Москвы (П.П. Гейко, адвокат), Саратова (Р.О. Долотов, Саратовская государственная юридическая академия), Томска (С.М. Будатаров, Западно-Сибирский филиал Российской академии правосудия), Республики Беларусь (П.И. Сашеко и Н.В. Шакель, Научно-практический центр Генеральной прокуратуры РБ). Их доклады касались определения целей, задач и основных направлений антикоррупционной экспертизы, соотношения антикоррупционной и криминологической экспертиз, выявления на примере конкретных

© Кочои Самвел Мамадович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[sam.kochoi@bk.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

норм права криминогенных факторов и рисков криминогенного характера.

Основным докладчиком на семинаре стал старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права СГЮА, кандидат юридических наук Р.О. Долотов. В обсуждении доклада приняли участие профессора кафедры уголовного права Москов-

ского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Т.Д. Устинова, Т.Г. Понятовская, В.П. Цепелев, заведующий кафедрой профессор, доктор юридических наук А.И. Парог.

Ниже публикуются доклад Р.О. Долотова и выступления П.И. Сащико, Н.В. Шакель, С.М. Будатарова.

*Р.О. Долотов,
кандидат юридических наук*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В многочисленных исследованиях убедительно показано, что одно из условий существования коррупции — это несовершенство законодательства. К сожалению, уголовное законодательство не является исключением и тоже способствует развитию коррупционных связей. Данное свойство уголовного закона проявляется в четырех основных аспектах:

а) само по себе наличие ряда уголовно-правовых запретов подталкивает к возникновению коррупционных отношений, обеспечивающих возможность безнаказанного нарушения этих запретов. Например, запрет и дальнейшая криминализация незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 172¹ УК РФ), как показывает практика, вполне могут выступить причиной появления различных коррупционных схем, в частности в виде «крышевания» подпольных казино со стороны надзирающих органов;

б) содержание некоторых статей УК РФ наделяет правоприменителя диспозитивными полномочиями (правом усмотрения, выбора решения), которые могут быть реализованы в коррупционных целях, а не для достижения закрепленных в ст. 2 УК РФ задач (например, право органов предварительного расследования по своему усмотрению принимать решение об освобождении от уголовной ответственности подозреваемого/обвиняемого в связи с примирением с потерпевшим, когда такое примирение достигнуто, может выступить поводом для вымогательства взяток);

в) существование в УК РФ норм с неоднозначными формулировками, допускающими различное толкование, может способствовать возникновению коррупционных правонарушений;

г) существует «навязанная» коррупциогенность уголовного закона, которая возникает из-за значительного количества бланкетных норм, отсылающих к положениям иных нормативных правовых актов, избыливающих оценочными и неопределенными признаками.

При анализе первого аспекта видим, что уголовный закон в данном случае выступает своеобразной причиной появления конкретных коррупционных отношений. В подобной ситуации необходимо взвесить все «за» и «против» и принять решение о целесообразности существования таких положений в Уголовном кодексе. Данная задача может быть решена путем проведения криминологической экспертизы текста нормативно-правового акта, о необходимости законодательного закрепления которой уже давно пишут ответственные криминологи¹.

Если же вести речь о втором, третьем и четвертом аспектах, то здесь уголовный закон способствует коррупции, т.е. выступает ее условием, а не причиной. Подобные положения нормативного правового акта, создающие условия для проявления коррупции, обозначаются в российском законодательстве в качестве коррупциогенных факторов, выявление которых осуществляется в процессе антикоррупционной экспертизы².

В Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

¹ См., напр.: проект Федерального закона «О криминологической экспертизе», подготовленный профессором А.И. Долговой: <http://crimas.ru/?p=1685> (последнее посещение – 30 апреля 2013 г.).

² Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ст. 1) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; 2011. № 48. Ст. 6730.

Таблица 1

Коррупциогенные факторы	
<i>Факторы, устанавливающие необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил</i>	<i>Факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям</i>
а) широта дискреционных полномочий: отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);	а) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права: установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;
б) определение компетенции по формуле «вправе» — диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;	б) злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) — отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций;
в) выборочное изменение объема прав — возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);	в) юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.
г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества — наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;	
д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции — нарушение компетенции органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов;	
ж) отсутствие или неполнота административных процедур — отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;	
з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур — закрепление административного порядка предоставления права (блага).	

актов и проектов нормативных правовых актов» не приводится конкретного списка коррупциогенных факторов, а дается лишь их общее понятие, тем не менее список этих факторов является закрытым, так как в ст. 3 Закона говорится, что антикоррупционная экспертиза проводится согласно методике, принятой Правительством РФ. В самой же

методике уже содержится исчерпывающий перечень коррупциогенных факторов³. Методика выделяет две группы таких факторов:

³ Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // СЗ РФ. 2010. №10. Ст. 1084.

Таблица 2

Виды применения положений УК РФ	Ситуации, в которых положения УК позволяют принять формально законное решение, однако существует риск возникновения коррупционных отношений в процессе принятия такого решения	
Квалификация деяния органами предварительного расследования и судом	Установление наличия или отсутствия признаков состава преступления в зависимости от оценочного криминообразующего признака, в том числе разграничение административного правонарушения и преступления по оценочному признаку	
Освобождение от уголовной ответственности органами предварительного расследования и судом	Принятие решения об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	
Назначение наказания судом	Выбор вида наказания в альтернативных санкциях	Выбор размера/срока наказания
Освобождение от наказания	Принятие решения об условно-досрочном освобождении	
	Принятие решения о назначении наказания условно	Принятие решения об отмене, либо сохранении условного осуждения
	Принятие решения об отмене, либо сохранении условного досрочного освобождения	

1) факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил;

2) факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям. См. таблицу 1.

Критический анализ текста Уголовного кодекса с целью выявления в нем подобных условий, способствующих совершению коррупционных действий, безусловно необходим. Однако деятельность лица, проводящего антикоррупционную экспертизу, не должна сводиться к простому чтению текста уголовного закона и поиску в нем текстуальных совпадений с коррупционными факторами. Факторы, обозначенные в методике в качестве коррупционных, далеко не всегда свидетельствуют о том, что имеет место коррупционный дефект. Наличие в УК РФ слов «может», «вправе», ряда оценочных признаков нельзя автоматически рассматривать в качестве коррупционных факторов. Таковыми могут выступать лишь те положения, которые создают условия для проявления коррупции. В этой связи необходимо вначале путем моделирования процесса применения уголовного закона выявить ситуации, в которых появляется реальный риск возникновения коррупционных отношений.

Представляется, что подобные ситуации могут возникнуть преимущественно в следующих случаях. См. таблицу 2.

Что касается оценочных положений, то сам факт их наличия еще не означает, что они будут способствовать возникновению коррупционных отношений в процессе правоприменения, т.е. реализации уполномоченных лицом дискреционных полномочий. Коррупционные риски возникают, когда оценочный признак выступает в качестве криминообразующего в основном составе преступления. Виновный в подобном преступлении может путем коррупционных схем склонить лицо, уполномоченное на возбуждение уголовного дела, к толкованию подобного оценочного признака в свою пользу, либо, наоборот, стать жертвой вымогательства со стороны этих лиц.

Так, ранее проведенное нами исследование показало, то наличие в ст. 246 УК РФ оценочного криминообразующего признака «иные тяжкие последствия» в ряде случаев приводит к подмене уголовной ответственности административной вследствие возникновения коррупционных отношений, влияющих на толкование данного оценочного признака⁴. Толкование

⁴ Долотов Р.О. Коррупция как криминогенный фактор экологической преступности в Саратовской области // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований. Вып. 3 / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 81–82.

указанного признака, предложенное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁵ также не снимает проблемы, так как не дает исчерпывающего перечня таких последствий и само по себе содержит ряд оценочных понятий.

Особняком в проблеме коррупционности уголовного законодательства стоит вопрос об антикоррупционной экспертизе постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих разъяснения по поводу применения статей УК РФ, которые большинством судей признаются в качестве обязательных.

Что касается случаев, когда оценочный признак служит для разграничения основного и квалифицированного составов, то здесь коррупционные риски повышаются пропорционально разнице между суровостью санкций. Такие риски возникают, например, когда основной состав преступления относится к категории небольшой тяжести, а квалифицированный (отличающийся от основного наличием оценочного признака) — к тяжкому или особо тяжкому. Подобная ситуация наблюдается в ст. 272 УК РФ, где:

1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, —

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

То же самое деяние, повлекшее тяжкие последствия или создавшее угрозу их наступления (ч. 4 ст. 272 УК РФ), наказывается альтернативно лишением свободы на срок до семи лет. Само же понятие «тяжких последствий» применительно к данной статье нигде не раскрывается.

Освобождение от уголовной ответственности органами предварительного расследования и судом в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим также может быть связано с определенными коррупционными рисками, так как освобождение от уголовной ответственности в указан-

ных случаях — это право, а не обязанность правоприменителя. Существующие редакции ст. 75 и 76 УК РФ у многих ученых вызывают ряд серьезных нареканий. Однако правоприменитель не может по своему усмотрению освободить лицо от уголовной ответственности без соблюдения формальных требований, указанных в данных статьях, поэтому более реален риск вымогательства взятки со стороны правоприменителя за реализацию им права освобождения при наличии к тому формальных оснований.

Чаще же всего о коррупционности уголовного закона говорят в процессе обсуждения проблемы судейского усмотрения при назначении наказания⁶. Широчайшие «вилки» наказаний, существующие в УК РФ (от 2 месяцев до 10, до 15 и даже до 20 лет лишения свободы), вызывают серьезную критику со стороны многих ученых, указывающих на коррупционность таких санкций. Вместе с тем однозначно отнести их к такому коррупционному фактору, как «широта дискреционных полномочий», формально вряд ли удастся. В методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов указано, что под широтой дискреционных полномочий понимается отсутствие или неопределенность «условий или оснований принятия решения». Однако данные условия и основания принятия решения применительно к рассматриваемому случаю содержатся в ст. 60 УК РФ, закрепляющей общие начала назначения наказания. Таким образом, при существующей методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов подобные «вилки» наказаний или, например, право суда понизить категорию тяжести на менее тяжкую не удастся юридически признать коррупционными факторами (несмотря на их явный коррупционный потенциал), так как УК РФ формально содержит основания и условия для принятия таких решений.

Реализация судом права признавать назначенное наказание условным, особенно за тяжкие преступления, также может сопровождаться коррупционными отношениями. Несмотря на то, что формулировка ст. 73 УК РФ содержит условие принятия судом такого решения (вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания), вряд ли ее можно признать достаточ-

⁶ Гаврилов Б.Я. Судейское усмотрение при назначении наказания и проблема коррупционности уголовного закона // Уголовная политика России в XXI столетии / под ред. В.И. Тюнина. СПб., 2010. С. 22.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

но определенной. Представляется необходимым наличие более описательной детализации в ст. 73 УК РФ того, что именно позволяет суду прийти к такому выводу.

Еще больше нареканий вызывает содержание ч. 4 ст. 74 УК РФ, наделяющей суд правом решать вопрос о сохранении или отмене условного осуждения в случае совершения осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести. Никаких пояснений, указывающих на основания принятия такого решения, ст. 74 УК РФ не содержит. Аналогичный изъян имеет п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, в котором говорится: «Если в течение оставшейся не отбытой части наказания осужденный совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о

сохранении условно-досрочного освобождения решается судом».

Таким образом, основными направлениями антикоррупционной экспертизы уголовного закона должны стать положения УК РФ:

- 1) содержащие оценочные признаки, влияющие на квалификацию преступления;
- 2) регламентирующие вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания;
- 3) устанавливающие правила назначения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Статьи УК РФ, касающиеся указанных вопросов, требуют тщательного анализа со стороны Государственной Думы РФ, наделенной полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы положений УК РФ и устранению коррупциогенных факторов из уголовного закона.

Библиография:

1. Гаврилов Б.Я. Судейское усмотрение при назначении наказания и проблема коррупционности уголовного закона // Уголовная политика России в XXI столетии / под ред. В.И. Тюнина. — СПб., 2010.
2. Долотов Р.О. Коррупция как криминогенный фактор экологической преступности в Саратовской области // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологическо-социологических исследований. Вып. 3 / под ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов, 2008.

References (transliteration):

1. Gavrilov B.Ya. Sudeyskoye usmotrenie pri naznachenii nakazaniya i problema korruptsionnosti ugovnogo zakona // Ugolovnyaya politika Rossii v KhKhI stoletii / pod red. V.I. Tyunina. — SPb., 2010.
2. Dolotov R.O. Korruptsiya kak kriminogennyy faktor ekologicheskoy prestupnosti v Saratovskoy oblasti // Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya: rezul'taty kriminologo-sotsiologicheskikh issledovaniy. Vyp. 3 / pod red. N.A. Lopashenko. — Saratov, 2008.

П.И. Сащенко,
кандидат юридических наук

РИСКИ КРИМИНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из важных направлений обеспечения системности уголовного закона является устранение в нем рисков криминогенного характера. В Республике Беларусь криминологическая экспертиза правовых актов (их проектов) осуществляется на основании Положения о порядке проведения криминологической экспертизы проектов за-

конов (в ред. от 6 июня 2011 г.) с целью выявления в таких актах или их проектах норм, применение которых может повлечь (повлечло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (возникновение рисков криминогенного характера). Методика проведения криминологической экспертизы утверждена

приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46.

Согласно Методике риски криминогенного характера — деструктивные факторы правового свойства, заключенные в нормах права и обусловленные их социальной неадаптивностью, противоречивостью, неопределенностью, вследствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно наказуемым деянием.

Одним из рисков криминогенного характера в соответствии с п. 11 Методики является нарушение принципа определенности субъектного состава правовых отношений. Применительно к уголовному праву указанный риск может иметь специфическое уголовно-правовое содержание, а наличие такого риска в уголовном законе влечет негативные последствия уголовно-правового характера. Нарушение принципа определенности субъектного состава правовых отношений в уголовном праве может возникать в процессе имплементации положений международных договоров Республики Беларусь в национальное законодательство, в частности норм, касающихся определения субъекта преступления. Такой риск возникает, например, в связи с нерешенностью проблемы адекватного закрепления в УК Республики Беларусь определения иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций.

В соответствии со ст. 16 Конвенции ООН против коррупции Республика Беларусь взяла на себя обязательство по криминализации подкупа иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций. Согласно ст. 2 Конвенции под иностранным публичным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия. В этой же статье Конвенции должностное лицо публичной международной организации определяется как международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено международной организацией действовать от ее имени.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию также содержит требование о криминализации подкупа иностранных публичных должностных лиц (ст. 5),

членов иностранных публичных собраний (ст. 6), должностных лиц международных организаций (ст. 9), членов международных парламентских собраний (ст. 10), судей и должностных лиц международных судов (ст. 11). При этом в соответствии со ст. 1 Конвенции понятие «публичное должностное лицо» охватывает определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо управляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства. Термин «судья» включает прокуроров и лиц, занимающих судебные должности. Кроме того, в соответствии с Конвенцией в случае разбирательства, касающегося публичного должностного лица, государство, осуществляющее преследование, может применить определение публичного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву.

В ст. 9 Конвенции Совета Европы указывается, что к должностным лицам международных организаций по смыслу положений о персонале относятся должностное лицо или иной нанятый по контракту сотрудник какой-либо межправительственной или наднациональной организации или органа, членом которых является государство-участник, а также любое прикомандированное или неприкомандированное лицо, которое осуществляет функции, соответствующие функциям, выполняемым такими должностными лицами или агентами. В ст. 10 Конвенции дополнительно отмечается, что статья о подкупе членов международных парламентских собраний распространяется на случаи, касающиеся каких-либо членов парламентских собраний международных или наднациональных организаций, членом которых является государство-участник Конвенции. Статья 11 Конвенции содержит уточнение о том, что данная статья применима к случаям, касающимся лиц, занимающих судебные должности, или должностных лиц любого международного суда, юрисдикция которого признана государством-участником.

Указанные положения нашли отражение в законодательстве Республики Беларусь. УК Республики Беларусь выделяет шесть категорий должностных лиц: представители власти; представители общественности; лица, выполняющие организационно-распорядительные обязанности; лица, выполняющие административно-хозяйственные обязанности; лица, уполномоченные на совершение юридически значимых действий; должностные лица иностранных

государств или международных организаций¹. Определение должностных лиц иностранных государств или международных организаций содержится в п. 4 ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь, которым к должностным лицам отнесены должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов. Вместе с тем Уголовный кодекс не содержит признаков должностных лиц иностранных государств, должностных лиц международных организаций и др.

В этой связи В.М. Хомичем отмечалась проблема установления признаков таких лиц, которая заключается в том, что из Уголовного кодекса не ясно: должны применяться признаки должностных лиц, закрепленные в п. 1–3 ч. 4 ст. 4 УК, или признаки должностного лица, закрепленные в законодательстве иностранного государства, особенно при расхождении этих признаков (как это имеет место, например, в УК Республики Беларусь и УК РФ)? По мнению В.М. Хомича, критерии УК Республики Беларусь должны применяться при условии, что деяние, специальным субъектом которого является представитель иностранного государства, совершено на территории Республики Беларусь². Недостатки определения рассматриваемой категории должностных лиц также отмечались, к примеру, Н.А. Бабием, который задается вопросами: можно ли считать дефиниции указанной категории должностных лиц бланкетной нормой, отсылающей к международным правовым актам, при отсутствии указания на это в УК; насколько справедливо отсутствие дифференциации ответственности иностранных должностных лиц в зависимости от уровня занимаемой должности и др. Он предлагает воспользоваться ссылкой на законодательство иностранных государств либо распространить действие определения должностных лиц, содержащееся в УК Республики Беларусь, на граждан иностранных государств и служащих международных организаций³.

Следует отметить, что ст. 1 Конвенции Совета Европы прямо указывает на применение определения публичного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит национальному праву государ-

ства-участника, а следовательно, исходит из того, что определения иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций должны содержаться в национальном праве государства-участника. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в процессе имплементации положений указанных международных конвенций в УК Республики Беларусь произошло смешение критериев, по которым в ч. 4 ст. 4 Кодекса выделяются различные категории должностных лиц. В п. 1–3 ч. 4 ст. 4 УК за основу взят функциональный критерий. В п. 4 ч. 4 ст. 4 УК таким критерием выступает занятие должности в иностранном государстве, иностранном публичном собрании, международной организации, международном парламентском собрании или международном суде.

В результате из содержания уголовного закона не ясно, кто относится к должностным лицам иностранных государств, членам иностранных публичных собраний, должностным лицам международных организаций, членам международных парламентских собраний, судьям и должностным лицам международных судов. Это порождает возможность чрезмерно широкого усмотрения в процессе применения уголовного закона.

Следует также отметить, что при проведении криминологической экспертизы уголовного закона должно оцениваться соответствие УК международным стандартам в области борьбы с коррупцией, закрепленным в международных договорах Республики Беларусь. Отсутствие признаков иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций в УК Республики Беларусь следует рассматривать как риск криминогенного характера и неполное соответствие международным стандартам. Например, Группой государств против коррупции (ГРЕКО) по результатам оценки имплементации РФ Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию по причине неясности положений примечания 2 к ст. 290 УК РФ и отсутствием толкования этих положений со стороны высшей судебной инстанции или в судебной практике в адрес России была высказана рекомендация по обеспечению однозначной криминализации в УК РФ подкупа членов международных парламентских собраний, судей и должностных лиц международных судов⁴.

Таким образом, применительно к криминологической экспертизе уголовного закона такой риск криминогенного характера, как нарушение принципа определенности субъектного состава правовых отношений, может появиться

¹ Правила регистрации, учета и квалификации преступлений: науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / под общ. ред. Н.А. Бабия. Минск, 2008. С. 520.

² Там же. С. 525.

³ Бабий Н.А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта. Минск, 2011. С. 204–206.

⁴ URL: [http://coe.int/t/dghl/monitoring/greco/evaluations/round3/GrecoEval3\(2011\)6_RussianFed_One_EN.pdf](http://coe.int/t/dghl/monitoring/greco/evaluations/round3/GrecoEval3(2011)6_RussianFed_One_EN.pdf)

ся при имплементации норм международных договоров в национальное законодательство и выражаться в неопределенности субъекта преступления. Это приводит к ослаблению уголовно-правовой борьбы с преступностью и разделению правоприменителя излишне широко-

ми дискреционными полномочиями по толкованию уголовного закона. Представляется, что отмеченный риск и условия, способствующие его возникновению, должны найти отражение в частной методике криминологической экспертизы уголовного законодательства.

Н.В. Шакель,
кандидат юридических наук

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА БЛАНКЕТНЫХ НОРМ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
(на примере ст. 201 и 248 УК БЕЛАРУСИ)**

В теории права принято деление правовых норм по степени определенности их диспозиций на абсолютно определенные (точно и исчерпывающе определяют права и обязанности сторон), относительно определенные и бланкетные¹. Бланкетной принято называть диспозицию уголовно-правовой нормы Особенной части УК, которая «для определения признаков преступного деяния отсылает к законам или другим нормативным правовым актам, не имеющим уголовно-правового характера»². По сути, бланкетная норма называет в общей форме, какие правила необходимо исполнять. Однако конкретное их содержание, зафиксированное в специальных нормативных правовых актах, подвержено сравнительно быстрому изменению (ГОСТы, правила безопасности и т.п.).

Динамизм положений правовых актов различных отраслей права, к которым отсылают бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм, без учета содержания предписаний уголовного законодательства, может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, которые должны становиться предметом рассмотрения в ходе криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (правовых актов). По оценкам исследователей, в Особенной части УК свыше 60% норм содержат бланкетные признаки³.

Существенным риском криминогенного характера является наличие в уголовном законе двух и более статей, устанавливающих различ-

ную ответственность за идентичные действия. Рассмотрим данную ситуацию на примере объектов права промышленной собственности, ответственность за нарушение прав на которые предусмотрена рядом статей УК.

Следует отметить, что к объектам права промышленной собственности отнесены различные результаты интеллектуальной деятельности: изобретения, полезные модели, промышленные образцы, а также средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания) и иные объекты (ст. 998 ГК).

Промышленным образцом является художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид и являющееся новым и оригинальным (ст. 1000 ГК). На данный объект выдается патент. Использование промышленного образца признается введение в гражданский оборот изделия, содержащего запатентованный промышленный образец, т.е. внешне от него не отличающегося (ст. 36 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»). Под введением в гражданский оборот понимается изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа продукта, изделия, изготовленных с применением запатентованного промышленного образца (ст. 9 указанного Закона). По сути, запрещается осуществление фактического копирования и дальнейшее использование (в том числе распространение) промышленного образца. Ответственность за такие действия может наступать на основании двух статей УК.

Частью 3 ст. 201 УК устанавливается ответственность за незаконное распространение

¹ Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2007. С. 349.

² Врублевская Н. Обратная сила уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями // Юстиция Беларуси. 2013. № 1. С. 52.

³ Врублевская Н. Указ. соч. С. 52.

или иное незаконное использование объектов права промышленной собственности, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Поскольку промышленный образец несомненно относится к объектам патентных прав, а его копирование и последующее введение в гражданский оборот являются использованием, то рассматриваемая статья, очевидно, должна охватывать приведенные действия.

Статьей 248 УК установлена ответственность за копирование промышленных образцов конкурента, влекущее смешение продукции (товаров, работ, услуг) или деятельности с продукцией или деятельностью конкурента. Вместе с тем промышленный образец является одним из объектов права промышленной собственности, в связи с чем ст. 201 УК и 248 УК вступают в коллизию. При применении ст. 248 УК следует учитывать, что субъектом данного преступления выступают индивидуальные предприниматели или должностные лица юридического лица, тогда как в ч. 3 ст. 201 УК совершение преступления должностным лицом является квалифицирующим признаком.

В юридической литературе проводилось сравнение диспозиций и санкций ч. 2 ст. 201 УК (устанавливающей ответственность за незаконное использование объектов права промышленной собственности любым лицом) и ст. 248 УК (субъект данного преступления — индивидуальный предприниматель или должностное лицо). По его результатам отмечалось, что в ст. 248 УК сформулирован привилегированный состав преступления, а значит, подлежит применению норма, предусматривающая ответственность за преступление с привилегированным составом (ст. 248 УК)⁴.

Вместе с тем в литературе не проводится сравнения ч. 3 ст. 201 УК и ст. 248 УК, тогда как анализ их содержания, а также законодательства об интеллектуальной собственности позволяет говорить о том, что одни и те же действия, выразившиеся в незаконном использовании промышленного образца должностным лицом, могут влечь ответственность как по ч. 3 ст. 201 УК, так и по ст. 248 УК. Представляется, что подход к решению данного вопроса должен быть аналогичен изложенному выше, т.е. ст. 248 УК должна рассматриваться в качестве привилегированного состава по отношению к ч. 3 ст. 201 УК.

Вместе с тем не ясно, почему общий субъект или должностное лицо, совершившее незаконное использование объекта про-

мышленной собственности, по ч. 3 ст. 201 УК может быть осужден к наказанию в виде лишения свободы до 5 лет, а должностное лицо, совершившее те же действия в отношении отдельных объектов промышленной собственности, указанных в ст. 248 УК (товарные знаки, промышленные образцы), вообще не может быть осуждено к лишению свободы, а подлежит более мягкому наказанию.

Отметим, что при анализе норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за нарушения в сфере интеллектуальной собственности, обнаруживаются и иные факторы, способствующие возникновению рисков криминогенного характера. В частности, абз. 3 и 5 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» установлено, что термины, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными, а названия нормативного правового акта, раздела, главы и статьи должны быть лаконичными, четко сформулированными и отражать их основное содержание. Но несмотря на название ст. 201 УК «Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав», ее диспозиция запрещает незаконное распространение или иное незаконное использование объектов права промышленной собственности, не ограничивая каким-либо образом их объем объектами, относящимися только к «изобретательским и патентным» правам. Гражданское законодательство предусматривает возможность выдачи патента только на такие объекты промышленной собственности, как изобретения, полезные модели, промышленные образцы и селекционные достижения. Охранные документы, выдаваемые на иные объекты права промышленной собственности, не являются патентами (например, свидетельство на товарный знак). Несоответствие названия ст. 201 УК ее содержанию позволяет некоторым исследователям утверждать: «Уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации гражданского оборота, товаров, работ, услуг — ... товарного знака, знака обслуживания ... — установлена в ст. 248 УК»⁵, что не учитывает возможного наступления ответственности по ст. 201 УК.

Выявленное несоответствие между названием статьи УК, ее содержанием, а также нормами иных правовых актов связано в том числе и с тем, что изменения в УК вносятся достаточно редко. Так, последние и в целом незначительные изменения в ст. 201 УК вно-

⁴ Науч.-практ. комментарий в Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск, 2010. С. 567.

⁵ Науч.-практ. комментарий в Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 433.

сились в 2003 г., в ст. 248 УК — в 2006 г. В то же время законы и иные нормативные правовые акты, к которым отсылают данные бланкетные нормы, существенно и качественно поменялись (например, в 2011 г. был принят Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах», изменения в Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-3 «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» вносились в 2004, 2007, 2010 и 2011 гг.).

Это приводит к необходимости обратить внимание на еще одну проблему, достаточно часто выделяемую при оценке применения норм с бланкетной диспозицией. Отмечается, что «внесение изменений в нормативные правовые акты, определяющие содержание бланкетного признака, при внешней неизменности самой нормы в уголовном законе может повлечь как сужение, так и расширение сферы уголовной ответственности за определенное поведение»⁶.

⁶ Врублевская Н. Указ. соч. С. 53.

Так, Закон Республики Беларусь от 16 мая 1996 г. № 370-XIII «Об авторском праве и смежных правах» в ст. 16 однозначно определял исчерпывающий перечень имущественных прав. Новый Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах» раскрыл данный перечень. Как следствие, сферой уголовно-правовой охраны охвачен неопределенно широкий круг действий по использованию произведений.

Таким образом, при проведении криминалогической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов), к которым отсылают нормы уголовного закона с бланкетной диспозицией, следует всегда учитывать последствия их принятия с точки зрения возможного расширения либо сужения сферы действия уголовного закона, а также обращать внимание на необходимость системного использования единой терминологии в нормативных правовых актах разных отраслей права.

С.М. Будатаров,
кандидат юридических наук

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, СООТНОШЕНИЕ С КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ

В соответствии с федеральным законом от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» уголовный закон или проект уголовного закона могут быть объектом антикоррупционной экспертизы¹.

В юридической литературе уже высказан ряд суждений о коррупционности уголовного закона. «Анализ внесенных в главу 9 УК изменений, а также всех санкций Особенной части УК, — отмечают Р.О. Долотов, Е.Е. Чередниченко, — позволяет говорить о наличии явной тенденции к расширению судейского усмотрения при назначении наказания, что можно признать коррупционным фактором. Данная тенденция вызывает недоумение на фоне провозгла-

шенной борьбы с коррупцией»². По мнению Б.Я. Гаврилова, законодательные новеллы последних лет предусматривают необоснованно широкое усмотрение в части назначения судьями наказаний за экономические преступления, назначения наказаний по совокупности преступлений³.

Высказанные опасения следует признать обоснованными. Расширение законодателем судейского усмотрения не всегда продумано и научно подкреплено. В юридической литературе справедливо указывается на то, что «... расширение диапазона сроков лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм,

² Долотов Р.О., Чередниченко Е.Е. Тенденция реформирования уголовных наказаний в Уголовном кодексе РФ 1996 г. // [http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/sanction\(5-12-11\).html#sdfootnotel1sym](http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/sanction(5-12-11).html#sdfootnotel1sym) (дата обращения — 27 марта 2013 г.)

³ Гаврилов Б.Я. О коррупционности уголовного закона // Российский следователь. 2012. № 1. С. 6–8.

¹ СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

наблюдающееся в последние годы, нарушает уголовно-правовой принцип справедливости и негативно влияет на правоприменительную практику»⁴.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо различать законодательные решения в части расширения судебного усмотрения и собственно судебское усмотрение. Первое (неразумное законодательное решение) следует признать вредным для общества и потому коррупционным, второе (судейское усмотрение) является необходимым условием обеспечения справедливости в обществе.

Судья, решающий судьбу человека, должен иметь право на судебское усмотрение. Усмотрение должно быть таким по объему, что позволяло бы в полной мере учесть общественную опасность деяния, личность виновного, смягчающие, отягчающие и другие обстоятельства совершения преступления. Иной вывод противоречил бы принципу справедливости, поскольку ни один закон не способен детально регламентировать все жизненные ситуации. Поэтому в одном случае, когда санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ предусматривает назначение наказания в виде лишения свободы от 6 до 15 лет, судья может принять решение о назначении наказания в виде 6 лет лишения свободы, в другом — 15 лет лишения свободы. Очевидно, что такое судебское усмотрение нельзя считать коррупционным фактором.

Коррупционным, на наш взгляд, следует признать сами процедуры принятия законодательных решений о совершенствовании уголовного законодательства, в том числе и законодательные решения о расширении судебного усмотрения. Они не всегда продуманы, не всегда научно обоснованы, зачастую отражают сиюминутные, конъюнктурные интересы, носят несистемный характер.

В юридической литературе высказано множество критических замечаний в адрес законодателя, пытающегося совершенствовать уголовное законодательство без мнения криминологов, специалистов в области уголовного права, практических работников. Э.Ф. Побегайло неоднократно отмечал, что реформирование уголовного законодательства проводится без учета криминологических реалий⁵. Справедливо пишут С.С. Босхолов и

Б.Б. Бадмаева: «О необходимости привлечения ученых-криминологов к реформированию уголовного законодательства говорилось достаточно много не только в научной среде, но и в Государственной Думе РФ, Совете Федерации, обсуждался этот вопрос и в Генеральной прокуратуре РФ. Однако никаких существенных сдвигов в этом направлении, к сожалению, так и не произошло. Многочисленные предложения криминологического сообщества ввести в законодательную практику институт криминологической экспертизы так и не получили должного внимания и отклика, и нет каких-то особых надежд, что получат в ближайшее время»⁶.

Опрос коллективом Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции 53 ведущих ученых в области уголовного права показал, что самым серьезным недостатком действующего уголовного закона России после всех внесенных в него изменений являются:

а) бессистемность нормативно-правовых предписаний — 75, 5% (40 экспертов);

б) непоследовательность законодателя в решении взаимосвязанных или близких по содержанию вопросов — 64, 2% (34 эксперта).

94, 3% респондентов считают, что необходима научная экспертиза каждого законопроекта о внесении изменений и дополнений в УК РФ⁷.

В открытом письме А.И. Бойко (Ростов-на-Дону), Ю.В. Голик (Елец), С.А. Елисеев (Томск), Л.В. Иногамова-Хегай (Москва), В.С. Комиссаров (Москва), В.П. Коняхин (Краснодар), А.И. Коробеев (Владивосток), Н.В. Лопашенко (Саратов), В.А. Якушин (Тольятти) сделали следующий вывод: «Совершенно очевидно, что в результате нерационального правотворчества Уголовный кодекс потерял системность — важнейшее качество для любого кодифицированного нормативно-правового акта. ... Причин сложившегося

М., 1992. С. 25; его же. О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы науч. конф. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. СПб., 2005. С. 56.

⁶ Босхолов С.С., Бадмаева Б.Б. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Криминологический журнал БГУ-ЭП. 2012. № 28. С. 30.

⁷ Оценка учеными российского УК и уголовной политики // <http://sportscrime.ru/news/view/?id=247> (дата обращения: 08.04.2013); См. также: Парог А.И. Критические замечания по поводу УК РФ // http://msal.ru/general/chairs/graduate/criminal_law/ (дата обращения — 1 апреля 2013 г.).

положения несколько, но основная заключается в обезнаучивании и депрофессионализации законопроектной работы. Ученых просто выдавили из сфер их традиционного влияния. С их мнением не считаются, а если депутаты и получают заключение солидного научного учреждения, то по непонятной логике принимают строго противоположное решение»⁸.

Итак, коррупциогенными следует признать правотворческие процедуры, которые не предусматривают проведение обстоятельной криминологической экспертизы законопроектов о внесении изменений и дополнений в уголовный закон. Эти процедуры, в частности, предусмотрены в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Например, ч. 3 ст. 26 Регламента Государственной Думы предусматривает, что «на заседание комитета, комиссии могут быть приглашены эксперты, а также представители заинтересованных государственных органов и общественных объединений, средств массовой информации»⁹. В соответствии с ч. 2 ст. 96 Регламента Совета Федерации «Совет Федерации, Председатель Совета Федерации, Совет палаты, комитет Совета Федерации вправе создавать экспертные советы на общественных началах, привлекать к работе специалистов в качестве экспертов, а также назначать независимую экспертизу законопроектов»¹⁰.

Термины «могут» или «вправе» в данном случае устанавливают для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения и могут нанести серьезный вред интересам общества. Следовательно, указанные процедуры содержат коррупциогенные факторы.

Изложенное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, органы власти и должностные лица, которые принимают законы без учета мнения специалистов в сфере уголовного права, криминологов, практических работников, а зачастую и вопреки мнению ведущих ученых, наносят вред обществу, поскольку подменяют интересы общества интересами частного характера (узковедомственными, популистскими и т.д.)¹¹.

⁸ Ошибки в Уголовном кодексе. Постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями // <http://www.rg.ru/2010/06/10/uk.html> (дата обращения – 8 апреля 2013 г.).

⁹ СЗ РФ. 1998. №7. Ст. 801.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

¹¹ Будатаров С.М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 106–110.

Во-вторых, цели и задачи антикоррупционной экспертизы, с одной стороны, совпадают, но с другой — отличаются от целей и задач криминологической экспертизы. Антикоррупционная экспертиза — это проверка правового акта (проекта правового акта) на соответствие предусмотренных в нем действий представителей власти интересам общества. Целью антикоррупционной экспертизы правовых актов (проектов правовых актов) является установление соответствия действий представителей власти реальным потребностям общества и представлениям граждан (организаций) об эффективной охране и регулировании общественных отношений. Указанная цель антикоррупционной экспертизы обуславливает постановку следующих задач антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов: 1) обнаружение и изъятие из правовых актов действий представителей власти, способных причинить вред интересам общества; 2) обнаружение и изъятие из правовых актов бессмысленных и бесполезных для общества действий представителей власти; 3) выявление общественных отношений, нуждающихся в защите или регулировании со стороны государства, и включение в правовой акт действий представителей власти, необходимых для надлежащей охраны интересов общества либо регулировании общественных отношений.

Как видим, предметом антикоррупционной экспертизы является деятельность государственной администрации по обеспечению интересов общества. Очевидно, что деятельность органов уголовной юстиции по обеспечению правопорядка и применению норм уголовного закона также является предметом антикоррупционной экспертизы. Антикоррупционные эксперты должны обратить внимание на то, как судья применяет предоставленную ему власть (судейское усмотрение), имеет ли потерпевший или подсудимый возможность обжаловать судебное решение, насколько эффективна процедура обжалования, соответствует ли интересам общества порядок применения судом условного осуждения или условно-досрочного освобождения отбывания наказания и т.п.

По мнению А.И. Долговой, под криминологической экспертизой следует понимать исследование и оценку специалистами-криминологами соответствия проектов правовых актов научно обоснованным требованиям борьбы с преступностью, определению допустимости их принятия или изменения либо реализации с позиции возможного воздействия на преступность, определяющие ее обстоятельства, а также на

состояние борьбы с преступностью¹². Данное определение позволяет сказать, что, например, вопросы, касающиеся криминализации (декриминализации) деяний и пенализации (депенализации), являются предметом криминологической экспертизы. Криминологи могут обосновать необходимость расширения или сужения законодателем судебного усмотрения, провести серьезные научные изыскания, предшествующие криминализации или декриминализации деяний. Другими словами, криминологическая экспертиза представляет собой «процесс или результат оценки специалистами характера и степени влияния исследуемого объекта (либо отдельных его сторон) на преступность, ее факторы и последствия, личность преступника, а также на систему мер борьбы с преступностью»¹³.

Очевидно, что предмет криминологической и антикоррупционной экспертизы могут совпадать. Криминологи могут выявить, что действия представителей власти являются причиной или условием, способствующим совершению преступлений. Например при изучении коррупционной преступности. Непрозрачность процедур замещения должностей государственной или муниципальной службы позволяет торговать этими должностями, назначать родственников и близких лиц. Непрозрачность этих процедур, с одной стороны, является условием, способствующим коррупционным преступлениям (взяточничеству, злоупотреблению должностными полномочиями), с другой — коррупциогенным фактором.

Материал поступил в редакцию 12 мая 2013 г.

¹² Долгова А.И. Проект Федерального закона «О криминологической экспертизе» // <http://crimas.ru/?p=1685> (дата обращения – 22 мая 2012 г.)

¹³ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2010. С. 798.